

А. В. Головнёв, С. Ю. Белоруссова, Т. С. Киссер
ВЕБ-ЭТНОГРАФИЯ И КИБЕРЭТНИЧНОСТЬ*

doi: 10.30759/1728-9718-2018-1(58)-100-108

УДК 39 ББК 63.500

Киберпространство не просто отражает реальную картину этничности, но и порождает новую киберэтничность. Ее изучение возможно средствами адекватной веб-этнографии, которая не замыкается на работе с компьютером и гаджетом, а включает физическое наблюдение за тем, как виртуальная жизнь встраивается в повседневную реальность. По мере возможности следует изучать реальную (оффлайн) и виртуальную (онлайн) этничность в их связях и разрывах — на опыте конкретных персон и сообществ. Наибольшую киберактивность проявляют сообщества, прежде всего диаспоры и этнические меньшинства, компенсирующие посредством Сети дефицит реальной территориальной близости и коммуникации. По существу, интернет замещает одно из оснований этничности, обозначавшееся как «единство территории». Стимул представления и достойного позиционирования собственной культуры в веб-среде вызывает своего рода этноренессанс (с элементами этноконкуренции). Интернет становится удобной площадкой для развития этничности за счет индивидуальных этнопроектов. На рассмотренных в статье примерах нагайбаков и немцев видно, что повышенной киберактивностью выделяются люди, покинувшие малую родину и восполняющие реальную отстраненность виртуальной активностью. Оторванные от своего сообщества люди выступают даже в некотором роде лидерами этничности, действуя при этом не в «далекой эмиграции», а в ежеминутно «по-соседски» доступной Веб-сети.

Ключевые слова: *киберэтничность, веб-этнография, пространство коммуникации, идентичность, нагайбаки, российские немцы*

В конце XX в. в этнологии случилась «революция воображения»: на авансцену выступил конструктивизм с концептом нации (или народа) как «воображаемого сообщества», а следом информационное пространство наполнила целая «индустрия воображения», получившая название WWW или Интернет. Эффект резонанса выразился в том, что сначала как будто обнаружилась грань, отделяющая реальное от воображаемого, а затем выяснилось, что воображением в киберпространстве создается вполне «реальная реальность».¹

¹ См.: Geertz C. The Interpretation of Cultures. New York, 1973. P. 112.

Головнёв Андрей Владимирович — чл.-корр. РАН, директор, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (г. Санкт-Петербург)
 E-mail: Andrei_golovnev@bk.ru

Белоруссова Светлана Юрьевна — к.и.н., н. с. отдела этнографии Центральной Азии, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (г. Санкт-Петербург)
 E-mail: svetlana-90@yandex.ru

Киссер Татьяна Сергеевна — м.н.с., Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (г. Санкт-Петербург)
 E-mail: tkisser@bk.ru

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 17-06-00119

В поиске точек опоры исследователи причисляют виртуальную идентичность к разряду конструктивистских явлений, а в активизации этнических групп в Сети видят подтверждение концепции «воображаемых сообществ», поскольку пользователи «конструируют онлайн-пространства, изображая их как сообщества».² Понятие «виртуальная этничность» ввел М. Постер в 1998 г., имея в виду «взаимодействие реальных и виртуальных элементов в конструировании этнических групп».³

Киберпространство не просто отразило реальную картину этничности, но и породило новую киберэтничность, обладающую не вполне обозримым потенциалом. Ее изучение возможно средствами адекватной киберэтнографии, для развития которой интернет открывает безбрежные возможности — от громадной базы научных данных до динамичной интерактивности, создающей новые мотивы, задачи, контексты, объектно-субъектные коммуникационные поля с их виртуальными «туземцами» — блогерами, хакерами и прочими киберсообществами.

² Diamandaki K. Virtual ethnicity and digital diasporas: Identity construction in cyberspace // Global Media Journal. 2003. № 2. P. 3.

³ См.: Poster M. Virtual Ethnicity: Tribal Identity in an Age of Global Communications // CyberSociety 2.0. Revisiting Computer-Mediated Communication and Community. Thousand Oaks, 1998. P. 184–211.

Веб-этнография

Киберэтнография (варианты: веб-этнография, киберэтнология, киберантропология, цифровая антропология, виртуальная этнография) находится в фазе активных поисков и разработок,⁴ но уже обрела ряд определений. Ф. Хайдеман делает акцент на использовании киберэтнологией цифровых медиа и сетевого пространства для изучения современных реалий, прежде всего новоявленного киберчеловека.⁵ А. Аккерман полагает, что «этнология в 1990-е гг. завоевала новую область исследований — компьютерно-опосредованное общение в киберпространстве интернета. В киберпространстве идут процессы формирования коллективной идентичности, этнического разнообразия и новых диаспор».⁶

Х. Райнгольд полагает, что для киберэтнологии разделение мира на виртуальный и реальный неверно. Интернет существует в абсолютной физической форме в виде электронной сети и управляется человеком с помощью организующих структур.⁷ Общение на форумах так же реально, как разговор по телефону.

Виртуальной этнографической практике, в сравнении с реальной, свойственны менее длительные по времени, но более насыщенные по погруженности исследования, для которых Х. Кноблаух предлагает термин «сфокусированная этнография». Эта этнография не интересуется всей культурой изучаемого общества, но «фокусируется на определенном разделе этой культуры».⁸ К. Хайн, первоначально применявшая для изучения киберсообществ традиционные этнографические методы наблюдения, позднее предложила ал-

горитм Ез — Embedded, Embodied, Every day⁹ (встроенное, воплощенное, повседневное).

Д. Панос исследовал интернет-сообщества посредством «полуструктурированных глубоких интервью с интернет-пользователями, собранных как синхронно, так и асинхронно». Проблемной частью методики автор обозначил выборку страниц пользователей. Так, собирая сведения о поведении на Facebook, он обращался лишь к пользователям, имеющим персональные профили, и исключал страницы, посвященные увлечениям, коммерции, фан-клубам и т. д.¹⁰ По мнению Л. Сэйд-Бека, проблемой полевого киберисследования является интервьюирование в исключительно «письменном виде» при отсутствии непосредственного контакта; преимуществом работы в Сети он считает анонимность.¹¹

Мы солидарны с авторами, считающими, что веб-этнография не замыкается на работе с компьютером и гаджетом, а включает физическое наблюдение за тем, как виртуальная жизнь встраивается в повседневную реальность.¹² По мере возможности следует изучать реальную (оффлайн) и виртуальную (онлайн) этничность в их связях и разрывах — на опыте конкретных персон и сообществ. Полевые исследования предусматривают сочетание традиционных этнографических методов (включенное наблюдение и интервьюирование) и находящихся в стадии пилотной апробации приемов киберэтнографии (интернет-коммуникации, тесты, контент-анализ сетевого дискурса) для сопоставительного исследования реальных и виртуальных проявлений этничности. Поскольку киберэтнография насыщена визуальными образами (они передают смыслы иногда более точно, чем текстовые описания), в качестве исследовательского инструментария используется комбинация текстовых и визуальных методов. Последнее особенно значимо, поскольку существенная часть информации передается «языком тела» — не случайно ключевым этнографическим методом является

⁴ См.: Müller C. Online Communities im Internet // Sozialwissenschaften und Berufspraxis. 2002. № 4 (25). S. 353–364; Strübing J. Webnografie? Zu den methodischen Voraussetzungen einer ethnografischen Erforschung des Internet // Technografie: Verteilte Interaktivität zwischen Mensch und Technik. 2004. URL: http://www.uni-tuebingen.de/fileadmin/Uni_Tuebingen/Fakultaeten/SozialVerhalten/Institut_fuer_Soziologie/Dokumente/Pdf_Dateien/Struebing/JS_2004_Webnographie.pdf (дата обращения: 20.11.2017); Heidemann F. Cyberethnologie // Ethnologie. Eine Einführung. Göttingen, 2011. S. 262–265.

⁵ См.: Heidemann F. Op. cit. S. 262.

⁶ Ackermann A. Das virtuelle Universum der Identität. Überlegungen zu einer Ethnologie des Cyberspace // Die offenen Grenzen der Ethnologie. Schlaglichter auf ein sich wandeln des Fach. Frankfurt/M, 2000. S. 276.

⁷ См.: Rheingold H. Virtuelle Gemeinschaft. Soziale Beziehungen im Zeitalter des Computers. Bonn, 1994. S. 102.

⁸ Knoblauch H. Fokussierte Ethnographie als Teil einer soziologischen Ethnographie. Zur Klärung einiger Missverständnisse // Sozialer Sinn. 2001. № 3 (1). S. 129–135.

⁹ См.: Hine C. Ethnography for the Internet: Embedded, Embodied and Every day. London, 2015.

¹⁰ См.: Panos D. “I” on the Web: Social Penetration Theory Revisited // Mediterranean Journal of Social Sciences. 2014. № 19 (5). P. 190.

¹¹ См.: Sade-Beck L. Internet Ethnography: Online and Offline // International Journal of Qualitative Methods. 2004. № 2 (3). URL: <https://journals.library.ualberta.ca/tc/index.php/IJQM/article/view/4472/3597> (дата обращения: 30.12.2017).

¹² См.: Virtuelle Ethnografie / Dominguez D., Beaulieu A., Estalella A., Gymez E., Schnettler B., Read R. // Forum: qualitative socialresearchsozialforschung. 2007. № 3 (8). URL: <http://www.qualitative-research.net/fqs/> (дата обращения: 22.11.2017).

включенное наблюдение. У «виртуального человека» иные «жесты», и в какой-то мере обильное визуальное и символическое сопровождение информации в кибермире компенсирует дефицит телесности, что порождает отдельную задачу исследования веб-визуальности как особого «виртуального языка».

Киберэтничность

Интернет не только допускает, но и поощряет создание фиктивных образов, вследствие чего социальная коммуникация, как отмечает Н. Доринг, превращается в «маскарад».¹³ Ф. Ротцер считает, что виртуальная идентичность соответствует не столько реальному облику человека, сколько образцам привлекательности, т. е. это больше девиз, чем бытие.¹⁴ Вместе с тем, настаивает А. Баль, в построении виртуальных идентичностей люди выполняют биографически значимую работу по самоидентификации, раскрывая и исследуя аспекты «я», которые скрыты во многих оффлайн-ситуациях.¹⁵ Это связано со «свободой интернета» — с его экстерриториальностью и анонимностью.

Возможность самовыражения в Сети дала новый импульс проявлениям этничности, нередко подавляемым формальной этикой соседства и политкорректности. Обрел популярность «этнический интернет», включающий этнически ориентированные ресурсы и сервисы для поддержания и актуализации этнической идентичности.¹⁶ Не так давно было распространено мнение, что интернет служит размыванию этнической идентичности.¹⁷ Однако в XXI в. обозначился обратный тренд: как заметил Т. Эриксен, «нации процветают в интернете», который «стал ключевой технологией по поддержанию наций».¹⁸

В позиционировании «этнического интернета» заметная роль принадлежит евреям, среди которых немало архитекторов интернет-

ресурсов, в том числе социальных сетей (например, Л. Пейдж и С. Брин в Google, М. Цукерберг, Э. Саверин и Д. Москович в Facebook, И. Сегалович в Яндексe, Ю. Мильнер в Одноклассниках и Вконтакте). В 1990-е гг. американские евреи основали одно из первых диаспоральных интернет-сообществ CyberJew (КиберЕврей); в 1999 г. русскоязычными евреями был создан Еврейский интернет-клуб,¹⁹ в 2000 г. — Глобальный еврейский онлайн центр Jewish,²⁰ в 2004 г. — Центральный еврейский ресурс. Сеть обеспечивает разнообразные этнокультурные потребности — от сведений о еврейских праздниках и общинах до консультации юриста по переезду в Израиль и диалога с раввином. Первенство по популярности принадлежит сайтам знакомств, прежде всего сайту, занимающему верхнюю строчку в «Еврейском ТОПе» (рейтинге сайтов знакомств) Shalom-Friends.²¹ Через еврейские интернет-магазины²² распространяются товары, пользующиеся этнокультурным спросом. В числе первых евреи открыли дискуссию о соотношении реальности и виртуальности в этничности. Например, на одном из форумов обсуждались вопросы: «Является ли кибер-седер²³ реальным седером?» или «Как и какие функции благословения возможны в кибер-режиме?» По опыту сообщества CyberJew члены еврейской диаспоры оценили интернет как «ступень в истории евреев» и даже «новую парадигму иудаизма».²⁴

Профессиональные журналисты-курды создали базирующийся в Великобритании портал www.kurdmedia.com, в задачи которого входит распространение знаний о культуре и языке курдов, создание платформы обсуждения «курдского вопроса», определение перспектив «курдской нации» и государства «Объединенный Курдистан» на международной арене.²⁵ Уйгуры, покинувшие китайский Синьцзян, используют социальные сети для поддержания и укрепления этнических связей. На Facebook основными задачами они называют «борьбу против дискриминации в отношении своего

¹³ См.: Döring N. Identität + Internet = Virtuelle Identität? // Forum Medienethik. 2000. № 2. S. 65.

¹⁴ См.: Rötzer F. Interaktion — das Ende herkömmlicher Massenmedien // Medien und Öffentlichkeit. Positionierungen, Symptome, Simulationsbrüche. München, 1996. S. 126.

¹⁵ См.: Bahl A. Zwischen On- und Offline. Identität und Selbstdarstellung im Internet. München, 1997. S. 23.

¹⁶ См.: Татарский интернет. URL: <http://domain.tatar>; Чăваш-халăхсайчĕ: Чувацкий народный сайт. URL: <https://chuvash.org> (дата обращения: 03.01.2018).

¹⁷ См.: Nora P. Between memory and history. Les lieux de memoire // Representation. Spring, 1989. № 26. P. 7–25.

¹⁸ Eriksen T. H. Nations in Cyberspace. 2007. URL: <http://tamilnation.co/selfdetermination/nation/erikson.htm> (дата обращения: 30.12.2017).

¹⁹ URL: <http://www.rjc.ru/rus/site.aspx?SECTIONID=85643&IID=103105> (дата обращения: 04.01.2018).

²⁰ URL: <http://jewish.ru> (дата обращения: 04.01.2018).

²¹ URL: <http://shalom-friends.com> (дата обращения: 04.01.2018).

²² URL: <http://www.evreyski.ru>; Кошер. URL: <http://kosher.spb.ru> (дата обращения: 05.01.2018).

²³ Трапеза во время еврейской Пасхи.

²⁴ Poster M. Op. cit. P. 203–205.

²⁵ См.: Eriksen T. H. Op. cit.

народа», а также «получение новостей» от соплеменников, проживающих в Синьцзяне.²⁶

Сегодня почти все диаспоры активны в киберпространстве, поскольку по своей природе и технологии интернет-ресурсы отвечают многим их интересам и задачам.²⁷ Интернет-объединения диаспор ныне нередко называются «диджитал-диаспорами» (digital-diasporas), «киборг-диаспорами» (cyborg-diasporas) или виртуальными онлайн воображаемыми этническими сообществами (virtual-online-imagined-ethnic-communities).

Наряду с диаспорами, повышенную активность в киберпространстве проявляют этнические меньшинства, имеющие проблемы с самовыражением в реальном мире. В Индонезии, например, существует блог-сообщество, в котором выделяются яванские блоггеры CahAndong. На блог-фестивале в 2008 г. они получили главный приз «за наибольшую социальную активность», что вызвало недовольство остальных этнических групп. По отзывам наблюдателей, фестиваль 2008 г. стал «моментом холодной войны» между представителями яванского и не-яванского интернет-сообществ.²⁸

Многие этнически ориентированные кибергруппы предпочитают общение в Сети на собственном языке. Согласно исследованию курдской диаспоры Ярсан, представители сообщества переписываются только на своем языке для того, чтобы почувствовать единение с родной культурой.²⁹ Интерфейс социальной сети Facebook на сегодняшний день переведен на 108 языков, большинство из которых — официальные государственные языки. В свою очередь ориентированная на российскую аудиторию социальная сеть ВКонтакте включает 85 языков, многие из которых являются региональными языками народов России.

²⁶ См.: Nuermaimaiti R. Identity Construction Online: The use of Facebook by the Uyghur diaspora: A thesis submitted in partial fulfillment of the requirements of Master of International Communication Unitec Institute of Technology, New Zealand. 2014. URL: <http://unitec.researchbank.ac.nz/bitstream/handle/10652/2477/Reziwanguli%20Nuermaimaiti%201363852.pdf?sequence=1> (дата обращения: 30.12.2017).

²⁷ См.: Пожидаева М. А. Интернет-технологии как средство диаспорной коммуникации // Идея и идеалы. 2016. № 1 (27). Т. 20. С. 25.

²⁸ См.: Triastuti E., Rakhmani I. Cyber taman mini indonesiaindah: Ethnicity and imagi-nation in blogging culture // Internet-working Indonesia Journal. 2011. № 3 (2). P. 5–13.

²⁹ См.: Hosseini B. S. An Ethnography of a Community's Re-appropriation of Yärsän in Cyberspace: The Facebook Phenomenon // Journal of Religion, Media and Digital Culture. 2017. № 1 (6). URL: <https://www.jrmdc.com/journal/article/view/115> (дата обращения: 30.12.2017).

Татары в числе первых из народов России начали использовать интернет для продвижения своей этнической идентичности. Уже в 1994 г. был открыт сервер «Казань сети Интернет» и появились интернет-рассылки TMG (Tatar e-mail group) среди татар, проживающих в США и Турции. В 1995 г. был создан сервер «Татарстан в сети Интернет». В 2004 г. поисковая система Google начала поддерживать поиск на татарском языке, Википедия включила татарский перевод текстов. В 2010 г. Яндекс перевел свой интерфейс на татарский язык.³⁰ Ныне многочисленные татарские интернет-сообщества ориентированы на различные формы коммуникации и этнокультурные потребности, включая популяризацию языка («Татарский язык», «Татарский язык — язык мира и матери»), религиозные традиции ислама («Ислам. Татары», «Мусульмане Татарстана и России»), политические инициативы («Независимость Татарстана — Независимость Татари», акценты на особой идентичности («Булгары мира — мы вместе»), общение и знакомства («Во мне течет татарская кровь»).³¹ В Вконтакте наиболее популярна группа «Татары и татарочки», насчитывающая более 120 тыс. участников.³²

Нагайбаки в киберпространстве

В 1993 г. южноуральские нагайбаки, долгие годы числившиеся в составе татар, добились официального признания и включения в список коренных малочисленных народов (по переписи населения 2010 г., их насчитывается 8 148 чел.). Прежде они не проявляли медиа-активности и характеризовались своего рода «этнической интровертностью». Площадкой их активизации в медиа-среде послужила местная газета «Всходы», на сайте которой возник форум по вопросам языка, культуры и самобытности. В настоящее время нагайбаки выглядят «этническими экстравертами», открыто и заинтересованно обсуждая темы этничности в социальных сетях, среди которых нагайбаки среднего и старшего возраста предпочитают Одноклассники, молодежь —

³⁰ См.: Никитина Э. В. Этнические процессы в глобальном информационном пространстве // Информационное общество. 2014. № 5/6. С. 79.

³¹ См.: Suleymanova D. Op. cit. P. 37–55.

³² URL: https://vk.com/tatar_vk (дата обращения: 30.12.2017).

³³ Об этнической интровертности и экстравертности см.: Головин А. В. Уральские этнодиалоги // Урал. ист. вестн. 2013. № 2(39). С. 8–10; Белорусова С. Ю. Траектория этничности нагайбаков // Вестн. Челябин. гос. ун-та. 2015. № 24(379). С. 17–24.

Вконтакте и Instagram (менее активны нагайбаки в Facebook).

Наиболее многочисленно и популярно сообщество «Нагайбакский мир» (888 чел., Одноклассники),³⁴ созданное жителем Остроленки А. Ивановым. В социальных сетях присутствуют также этнически ориентированные группы «Нагайбаки (нагайбэклэр)», «Нагайбаки. Мастерницы Нагайбакского района», «Нагайбакская кухня», «Казаки-нагайбаки». Вконтакте есть сообщества, организованные для поддержания связей среди нагайбаков, проживающих в других районах и областях. Наиболее активна группа «Нагайбаки Челябинска», которая насчитывает 147 чел. и создана «для общения и сохранения родственных, дружеских связей, сохранения родного языка, этнической культуры».³⁵ Поскольку исходно нагайбаки — селяне (станичники) и переезд в областной центр Челябинск оказывается для них отрывом от малой родины и сельской жизни, сетевая активность челябинских нагайбаков направлена во многом на компенсацию утраченных офлайн-связей.

Особенной киберактивностью отличаются нагайбаки, проживающие вдали от Урала. Группа «Питерские нагайбаки»,³⁶ основанная переехавшим в Санкт-Петербург уроженцем поселка Остроленский П. Юскиным, «создана для помощи, общения и взаимодействия тех, кто переехал из Нагайбакского района в Санкт-Петербург либо является другом или знакомым из Нагайбакского района». Наиболее активен в ней сам П. Юскин, мотивированный, с одной стороны, поддержанием родственно-этнических контактов, с другой — позиционированием собственного успеха односельчанам. Дмитрий и Виктория Кадыкеевы переехали из нагайбакского села Париж в Казань и для поддержания связи с родней организовали сообщество «Париж и парижане».³⁷

Житель Орска С. Васильев стал известен благодаря своему блогу, где помещает видео, посвященные нагайбакской культуре, например «Нагайбакские бэиты (сказания)»³⁸ и

«Нагайбакские прибаутки». Количество просмотров составляет 3–4 тыс. При этом пользователи делятся не только впечатлениями, но и собственными знаниями. По словам С. Васильева «с помощью интернета, социальных сетей очень удобно и оперативно доводить до своих друзей-единомышленников результаты своих творческих работ. Если информация интересна, то она довольно быстро расходуется среди большого количества людей с помощью контекстных ссылок (друзья друзей и т. д.), причем в основном среди соплеменников. Интернет в этом смысле играет положительную роль. Если бы не интернет, то мы так бы и варились в своем соку».

В киберпространстве представлен проект Ольги Барышниковой по сохранению нагайбакского языка. В 2015 г. она выпустила «Нагайбакско-русский» и «Русско-нагайбакский» словари, которые вызвали широкий резонанс в масс-медиа и социальных сетях. Спорность вопроса о самобытности нагайбакского языка привлекла к обсуждению татар, башкир, кряшен. Интернет-дискуссия способствовала коммерческому успеху проекта. Благодаря онлайн-позиционированию О. Барышниковой сегодня считается специалистом в области языка и является значимой фигурой среди нагайбаков. В настоящее время она переводит интерфейс социальной сети Вконтакте на нагайбакский язык. Журналистам новостного портала LifeNews она рассказала, что ее работа адресована молодежи, которая пользуется этой социальной сетью.³⁹ Этот перевод вызван не столько востребованностью языка нагайбаков в социальных сетях (они легко обходятся русским), сколько амбициозным стремлением найти место родному языку в кибермире.

Иногда стремление самопозиционирования в Сети становится стимулом обращения к этнической культуре. В 2016 г. впервые за много лет нагайбаки северной группы (с. Попово) провели обряд вызывания дождя, который прежде считался значимой традицией. Поводом к этому стала просьба молодых нагайбаков из центральной группы (с. Фершампенуаз), захотевших запечатлеть традицию на видео. Возможность съемки вызвала воодушевление среди жителей Попово: они репетировали обряд в течение нескольких дней. С одной стороны, съемка оказалась мотивацией к возрождению традиции,

³⁴ URL: <https://www.ok.ru/nagaybaki> (дата обращения: 30.12.2017).

³⁵ URL: <https://vk.com/club13776188> (дата обращения: 30.12.2017).

³⁶ URL: <https://vk.com/club129073216> (дата обращения: 30.12.2017).

³⁷ URL: <https://vk.com/club7453704> (дата обращения: 30.12.2017).

³⁸ URL: <https://www.ok.ru/video/303151254098> (дата обращения: 30.12.2017).

³⁹ См.: На Урале пенсионерка переводит «Вконтакте» на нагайбакский язык // Life: информационный портал. URL: <https://life.ru/t/новости/189761> (дата обращения: 04.04.2017).

с другой — шансом самопродвижения. Участники фольклорного движения признают, что родная культура дает им возможность «получить известность». Нагайбачка из коллектива Чишме рассказала, что благодаря участию в ансамбле «сбылась мечта жизни — петь под микрофон», а участие в обряде дало возможность «сняться в фильме, чтобы запомниться потомкам».

Виртуальность российских немцев

Этническое сообщество российских немцев, сложившееся при Екатерине II, приобретшее административную автономию при Ленине и превратившееся в народ-изгой при Сталине (в 1941 г. АССР немцев Поволжья была ликвидирована), после реабилитации народа при Ельцине «самоорганизовалось» в целях восстановления прав и этнокультурного достояния. Эмиграция из России в Германию с конца 1980-х гг. сократила население с 842 295 чел. в 1989 г. до 394 138 в 2010 г.⁴⁰ При этом территориальная автономия немцев по-прежнему не восстановлена, и территориально разобщенное сообщество метафорически определяет себя *Volk auf dem Weg* («народ в пути»). Для российских немцев интернет служит реальной сетью, поддерживающей и укрепляющей их взаимные связи.

Очагами немецкой киберэтничности стали Международный союз немецкой культуры (МСНК) и воссозданная в 1998 г. газета «*Moskauer Deutsche Zeitung*» («Московская немецкая газета»), издававшаяся с 1870 по 1914 гг. По словам О. К. Мартенс, «благодаря газете российские немцы вышли за границы своего локального этнокультурного мира и амбициозно заявили о своей функции “моста” между исторической родиной — Германией — и Россией, ставшей им на протяжении 250-летнего проживания новой родиной».⁴¹ У газеты есть свой сайт, где она выходит в онлайн-формате.

Не осуществленная в реальности «территориальность» российских немцев приобрела виртуальный облик. В 2003 г. появились сайты молодежных организаций и информационный портал российских немцев *RusDeutsch*.⁴² В 2005 г. на этом портале создана электронная библиотека российских немцев, содержащая более 4 000 изданий. С 2008 г. портал стал двуязычным и привлек к себе внимание рос-

сийских немцев, эмигрировавших в Германию, США, Канаду. В 2009 г. портал *RusDeutsch* был признан лучшим этническим СМИ (в номинации «Интернет»), освещающим межэтническое взаимодействие и этнокультурное развитие народов России. Региональные немецкие сообщества стали размещать на портале информацию о своих инициативах. Сегодня действует уже более 20 таких сайтов.

Наиболее популярны среди российских немцев социальные сети Вконтакте и Одноклассники, меньше — Facebook. В Вконтакте группы формируют молодежные объединения немцев из разных регионов: *Jugendring* (Немецкое молодежное объединение), *Jugendbund* (Молодежная организация в Новосибирске), *Jugendzentrum Ural* (Молодежный совет немцев Урала), *Wir* (Молодежь российских немцев Республики Коми) и т. д.⁴³ Таких молодежных групп в Вконтакте насчитывается около 30, самая многочисленная из них — *Jugendring* (около 2 300 чел.).

Наряду с официальными аккаунтами российско-немецких организаций, есть примеры успешных персональных инициатив. Вера Новикова (Шульц) создала в 2008 г. в Одноклассниках группу «Российские немцы»:⁴⁴ «Ближайшие родственники постепенно уехали в Германию. А я с семьей осталась в России. Мне стало интересно, а сколько же нас, так называемых «русских немцев», осталось здесь, на своей Родине? Казалось, что выехали почти все. Но нет! Как увижу немецкую фамилию, смотрю, откуда человек. Сибирь? Значит, наш! И высылаю приглашение. Потом сами участники начали зазывать друзей, родных, знакомых. В группе очень много выехавших немцев. Они жаждут общения больше, чем оставшиеся, это заметно». В Одноклассниках подобных групп около 40, их создают в основном представители старшего поколения.

В Facebook действуют около 10 официальных аккаунтов общественных организаций. В Вконтакте насчитывается около 50 групп, самой многочисленной и популярной среди них является группа «Российские немцы»,⁴⁵ созданная в 2011 г. (4 250 чел.). Наиболее активно обсуждаемые в ней темы — «Происхождение

⁴⁰ См.: Смирнова Т. Б., Киссер Т. С. Многообразие немцев России // Урал. ист. вестн. 2017. № 2 (55). С. 44, 51.

⁴¹ Мартенс О. К. Российские немцы в едином информационном пространстве // *BIZ-Bote*. 2013. № 3. С. 21.

⁴² URL: <http://rusdeutsch.ru> (дата обращения: 05.01.2018).

⁴³ URL: <https://vk.com/jugendring>; URL: <https://vk.com/club11307240>; URL: <https://vk.com/jugendzentrumural>; URL: <https://vk.com/wirrusdeutsch> (дата обращения: 05.01.2018).

⁴⁴ URL: <https://ok.ru/group/43138676031700> (дата обращения: 05.01.2018).

⁴⁵ URL: <https://vk.com/russlanddeutsche> (дата обращения: 05.01.2018).

фамилий / Генеалогия», «Депортация», «Религия». Кроме того, в группе проводятся опросы по актуальным для немцев темам. Например, согласно последнему опросу, в котором приняли участие 2 228 чел., на вопрос «Переехали бы Вы на Волгу, если бы сейчас появилась возможность?» ответы распределились по позициям: «сразу бы переехали» — 972 чел.; «не стали бы переезжать» — 488 чел.; «не готовы дать точный ответ» — 828 чел.

О значении киберпространства для этничности российских немцев можно судить по опыту создания национального музея. Все попытки основать его в России завершались дискуссиями и россыпью небольших экспозиций в региональных и сельских музеях Омска, Новосибирска, Славгорода, Саратова. Тем временем в Германии Музей истории культуры российских немцев (Museum für russlanddeutsche Kulturgeschichte) открылся в 1996 г. на базе школы в городе Детмольде, а затем у него появилось свое здание. После долгих дискуссий о местоположении музея в России (возможные варианты — Москва, Поволжье, Сибирь) было принято решение создать виртуальный музей. Первый вариант кибермузея, основанный В. Барминым при поддержке МСНК,⁴⁶ включает два виртуальных зала: в первом («Музей российских немцев») представлены все музеи, в которых содержатся немецкие коллекции; второй («Этнография») знакомит с культурным наследием российских немцев посредством фотографий и описаний. Сайт музея не раз подвергался критике со стороны самих немцев. Так, один из наших информантов отметил: «Виртуальный музей должен быть лицом народа, а глядя на этот музей, о нас подумают, что у нас в культуре одни кровати и подушки».⁴⁷ Вместе с тем онлайн-музей сыграл важную роль в активизации региональных сообществ, которые стали использовать музейную практику самопрезентации в Сети. Например, в 2017 г. немцы Республики Коми создали свой онлайн-музей,⁴⁸ который содержит предметы материальной культуры, воспоминания трудармейцев, карты, фотографии.

Лидер российских немцев Г. Г. Мартенс считает, что виртуальное пространство дает большие возможности для реализации, пре-

зентации и сохранения этнокультурных особенностей российских немцев: «Я чувствую, что сейчас нужно перевести работу на новый системный уровень... Нет национальной библиотеки российских немцев, а мы создаем ее в интернете. Нет реального музея российских немцев — а мы создадим виртуальный... Раз уж так сложилось, что создать реальную республику нельзя, мы создаем республику виртуальную...»⁴⁹

Сегодня наибольшую активность в киберпространстве проявляют сообщества, прежде всего диаспоры и дисперсно расселенные этнические меньшинства, компенсирующие посредством Сети дефицит реальной территориальной близости и коммуникации. По существу, интернет замещает одно из оснований этничности — единство территории. Вместе с тем кибермир становится хранилищем этнокультурного наследия и форумом межэтнического диалога для всех народов. Стимул представления и достойного позиционирования собственной культуры (языка, традиций, истории) в веб-среде вызывает своего рода этноренессанс (с элементами этноконкуренции) и способствует глобальному распространению моды на «этно».

Как видно из приведенных иллюстраций, дискуссии об этничности и представление традиций заметно смещаются в виртуальное пространство. Реальные (оффлайн) разговоры на этнические темы нередко содержат ссылки на Сеть. Таким образом, киберсреда все существеннее влияет на этническую реальность. Еще недавно реализация любого этнопроекта требовала немалых усилий и долгих лет,⁵⁰ тогда как в интернете результат достигается быстро и впечатляюще. Это существенно при рассмотрении механизмов персональной мотивации и ожидаемого социального эффекта этнокультурной инициативы. Иначе говоря, интернет становится удобной площадкой для развития этничности за счет индивидуальных этнопроектов: уже сегодня киберэтничность прирастает этнически окрашенными персональными амбициями. На рассмотренных примерах нагайбаков и немцев видно, что

⁴⁶ См.: URL: <http://museum.rusdeutsch.ru> (дата обращения: 05.01.2018).

⁴⁷ ПМА, Пермский край, г. Соликамск, август 2017 г.

⁴⁸ URL: <http://nnka.biz/deutsch/> (дата обращения: 05.01.2018).

⁴⁹ См.: Смирнова Т. Б. 25-летие Международного союза немецкой культуры // Ежегодник МАИИКРН. 2016. № 2. С. 17.

⁵⁰ См.: Этнопроект, или Персонализация этничности (по материалам Уральской ЭтноЭкспедиции) / Головнёв А. В., Первалова Е. В., Белоруссова С. Ю., Киссер Т. С. // Урал. ист. вестн. 2016. № 4 (53). С. 142–148.

повышенной киберактивностью отличаются люди, покинувшие малую родину и восполняющие реальную отстраненность виртуальной активностью. Успешные в киберпространстве этноактивисты становятся значимыми персо-

нами в социальной реальности. Оторванные от своего сообщества люди выступают даже в некотором роде лидерами этничности, действуя при этом не в «далекой эмиграции», а в ежеминутно по-соседски доступной Веб-сети.

Andrei V. Golovnev

Member of the RAS, director, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (the Kunstkamera) of the RAS (Russia, Saint Petersburg)
E-mail: *Andrei_golovnev@bk.ru*

Svetlana Yu. Belorussova

Candidate of Historical Sciences, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (the Kunstkamera) of the RAS (Russia, Saint Petersburg)
E-mail: *svetlana-90@yandex.ru*

Tatiana S. Kisser

Junior Researcher, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (the Kunstkamera) of the RAS (Russia, Saint Petersburg)
E-mail: *tkisser@bk.ru*

WEB-ETHNOGRAPHY AND CYBER-ETHNICITY

The cyber-space is more than just the reflection of the real ethnic composition of society, it gives birth to a new cyber-ethnicity. Its study requires the use of the adequate web-ethnography which is not reduced to the use of a computer or other gadgets, but also involves physical observation of the ways in which virtual reality is being built into our everyday life. As much as possible it is necessary to study the real (off-line) and the virtual (on-line) ethnicity in their relationships and disparities — using real individuals and communities as the case studies. The most intensive cyber-activity is demonstrated by the communities, first of all the diasporas and the ethnic minorities, which try to compensate through the net the deficit of the real-life territorial proximity and communication. In fact the Internet substitutes for one of the bases of ethnicity which was formerly known as the “unity of the territory”. The motivation for the representation and the estimable positioning of one’s own culture in the web-environment gives rise to a kind of ethno-Renaissance (with the elements of ethno-competition). The Internet offers a convenient platform for the evolution of ethnicity at the expense of the individual ethno-projects. The described herein cases of the Nagaibak and the Germans demonstrate that the intensive cyber-activity is characteristic for the people who left their native regions and are trying to compensate for their real-life remoteness from them with the virtual activity. These people, estranged from their native communities, sometimes even play the role of the apparent ethnicity leaders, acting however not in the “distant emigration”, but in the momentarily and in a neighborly way accessible Web-environment.

Keywords: *cyber-ethnicity, web-ethnography, space of communication, identity, Nagaibaks, Russian Germans*

REFERENCES

- Ackermann A. [The virtual universe of identity. Reflections on an ethnology of cyberspace]. *Die offenen Grenzen der Ethnologie. Schlaglichter auf ein sich wandeln des Fach* [The open boundaries of ethnology. Turn lights on the tray]. Frankfurt am Main: Verlag Otto Lembeck, 2000, pp. 276–290. (in Germany).
- Bahl A. *Zwischen On- und Offline. Identität und Selbstdarstellung im Internet* [Between online and offline. Identity and self-presentation on the Internet]. München: KoPäd Verlag, 1997, 144 p. (in Germany).
- Belorussova S. Yu. [Trajectory of Nagaibak’s ethnicity]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State University], 2015, no. 24 (379), pp. 17–24. (in Russ.).
- Diamandaki K. Virtual ethnicity and digital diasporas: Identity construction in cyberspace. *Global Media Journal*, 2003, no. 2, pp. 3–14. (in English).
- Dominguez D., Beaulieu A., Estalella A., Gyme E., Schnetzler B., Read R. [Virtuelle Ethnografie]. Available at: <http://www.qualitative-research.net/fqs/> (accessed: 22.11.2017). (in French).
- Döring N. [Identity + Internet = virtual identity?]. *Forum Medienethik*, 2000, no. 2, pp. 65–75. (in English).

- Eriksen T. H. Nations in Cyberspace. 2007. Available at: <http://tamilnation.co/selfdetermination/nation/erikson.htm> (accessed: 30.12.2017). (in English).
- Geertz C. The Interpretation of Cultures. New York: Basic Books, 1973, 470 p. (in English).
- Golovnev A. V. [Ural ethno-dialogues]. *Ural'skij istoriceski vestnik* [Ural Historical Journal], 2013, no. 2 (39), pp. 4–15. (in Russ.).
- Golovnev A. V., Perevalova E. V., Belorussova S. Yu., Kisser T. S. [Ethnoproject, or ethnicity personalization (based on materials of the Ural EthnoExpedition)]. *Ural'skij istoriceski vestnik* [Ural Historical Journal], 2016, no. 4 (53), pp. 142–148. (in Russ.).
- Heidemann F. [Cyber-ethnology]. *Ethnologie. Eine Einführung* [Ethnology. An introduction]. Göttingen: Verlag UTB, 2011, pp. 262–265. (in Germany).
- Hine C. Ethnography for the Internet: Embedded, Embodied and Every day. London: Bloomsbury Academic, 2015, 240 p. (in English).
- Hosseini B. S. An Ethnography of a Community's Re-appropriation of Yārsān in Cyberspace: The Facebook Phenomenon. Available at: <https://www.jrmdc.com/journal/article/view/115> (accessed: 30.12.2017). (in English).
- Jacob K. The Kurdish diaspora's use of Facebook in shaping a nation: "Facebook is my second home". Master's thesis. Bergen. University of Bergen, 2013. (in English).
- Knoblauch H. [Focused ethnography as part of a sociological ethnography. To clarify some misunderstandings]. *Sozialer Sinn* [Social sense], 2001, no. 3 (1), pp. 129–135. (in Germany).
- Martens O. K. [Russian Germans in a single information space]. *BIZ-Bote* [BIZ-Bote], 2013, no. 3, pp. 18–23. (in Russ.).
- Müller C. [Online Communities in Internet]. *Sozialwissenschaften und Berufspraxis* [Social sciences and professional practice], 2002, no. 4 (25), pp. 353–364. (in Germany).
- Nikitina E. V. [Ethnic processes in the global information space]. *Informatsionnoe obshchestvo* [Information society], 2014, no. 5/6, pp. 77–83. (in Russ.).
- Nora P. [Between memory and history. Memorial place]. *Representation*, 1989, no. 26, pp. 7–25. (in French).
- Nuermairaiti R. Identity Construction Online: The use of Facebook by the Uyghur diaspora. Available at: <http://unitec.researchbank.ac.nz/bitstream/handle/10652/2477/Reziwanguli%20Nuermairaiti%201363852.pdf?sequence=1> (accessed: 30.12.2017). (in English).
- Panos D. "I" on the Web: Social Penetration Theory Revisited. *Mediterranean Journal of Social Sciences*, 2014, no. 19 (5), pp. 185–205. (in English).
- Poster M. Virtual Ethnicity: Tribal Identity in an Age of Global Communications. *CyberSociety 2.0. Revisiting Computer-Mediated Communication and Community*. Thousand Oaks: Sage, 1998, p. 184–211. (in English).
- Pozhidaeva M. A. [Internet technologies as a means of diaspora communication]. *Ideji i idealy* [Ideas and Ideals], 2016, no. 1 (27), vol. 2, pp. 22–29. (in Russ.).
- Rheingold H. *Virtuelle Gemeinschaft. Soziale Beziehungen im Zeitalter des Computers* [Virtual Community. Social relations in the age of the computer]. Bonn: Addison-Wesley, 1994, 392 s. (in Germany).
- Rötzer F. [Interaction — the end of conventional mass media]. *Medien und Öffentlichkeit. Positionierungen, Symptome, Simulationsbrüche* [Media and public. Positioning, symptoms, simulation breaks]. München: Boer, 1996, s. 119–134. (in Germany).
- Sade-Beck L. Internet Ethnography: Online and Offline. Available at: <https://journals.library.ualberta.ca/tc/index.php/IJQM/article/view/4472/3597> (accessed: 30.12.2017). (in English).
- Smirnova T. B. [25th anniversary of the International Union of German Culture]. *Ezhegodnik Mezhdunarodnoy assotsiatsii issledovateley istorii i kultury rossijskikh nemtsev* [Yearbook of the International Association of Researchers of the History and Culture of Russian Germans], 2016, no. 2, pp. 8–17. (in Russ.).
- Smirnova T. B., Kisser T. S. [Russian Germans diversity]. *Ural'skij istoriceski vestnik* [Ural Historical Journal], 2017, no. 2 (55), pp. 44–53. (in Russ.).
- Strübing J. [Webnografie? The methodological prerequisites for ethnographic research on the Internet]. Available at: http://www.uni-tuebingen.de/fileadmin/Uni_Tuebingen/Fakultaeten/SozialVerhalten/Institut_fuer_Soziologie/Dokumente/Pdf_Dateien/Struebing/JS_2004_Webnographie.pdf (accessed: 20.11.2017). (in Germany).
- Triastuti E., Rakhmani I. Cyber taman mini indonesiaindah: Ethnicity and imagi-nation in blogging culture. *Internetworking Indonesia Journal*, 2011, no. 3 (2), pp. 5–13. (in English).